

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
27 (90)

ИСТОРИЯ
И
ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

если — нет, то приводится ссылка на описание рукописи. Можно лишь высказать пожелание, чтобы в справочнике давались не только начало, но и конец обнаруженного в рукописи текста, так это сделано, к примеру, в приобретенном всемирное признание издание «Bibliotheca Hagiographica Graeca». Славянские списки часто вариативны, и даже столь небольшой отрывок текста во многом облегчит специалисту его поиски и всю последующую работу. Расположение материала кажется удобным, потому что впервые в такого рода справочнике делается попытка связать славянскую версию с ее оригиналом, при этом А. де Сантос Отеро исходит из того, что славянские апокрифы — это произведения переводной литературы, имеющие своим оригиналом греческие тексты. Действительно, славянские апокрифы новозаветного цикла восходят, как правило, к греческим памятникам. Сложнее обстоит дело с ветхозаветными апокрифическими текстами, некоторые из которых, как выясняется теперь, переведены с древнееврейского. К тому же следует иметь в виду, что древнеславянские переводы находятся в различной степени зависимости от своих оригиналов. Это хорошо видно, например, на двух древнерусских текстах, излагающих сюжет легенды об Авгаре. Первый представлен несколькими списками (Горжественник XVI в. — ГПБ, Сол. № 370 (1050); Минея XVI в. — ГПБ, Сол. № 804 (914) и др.), а второй — рукописью XIII в. (ГПБ, Ф. п. I. 39). Сопоставление двух текстов заставляет думать, что в их основе лежат два различных перевода какого-то несохранившегося греческого оригинала. Однако при этом видно также и то, что версия легенды по рукописи XIII в. была основательно обработана древнерусскими книжниками. Это не буквальный, дословный перевод, а свободная композиция на тему сказания. Связь с оригиналом здесь почти полностью утрачена. Для некоторых славянских апокрифических текстов, в частности для «Хождения Богородицы по мужам», оригинал до сих пор не обнаружен, так что не исключена возможность, что это исконно славянское сочинение. Ясно, что поиски оригинала и сравнение каждого славянского текста с его архетипом внесут много нового как в историю переводной литературы у славян, так и в историю их самобытной словесности.

В качестве дополнения к рукописной традиции апокрифических сочинений хотелось бы видеть обзор такого тесно связанного с ними памятника, как «Индекс книг истинных и ложных», который впервые встречается в Изборнике 1073 г. Можно высказать уверенность в том, что книга А. де Сантоса Отеро станет незаменимым пособием для всех специалистов по древнеславянским литературам. Она дает новый толчок к интенсивному изучению славянских апокрифов. В этой области предстоит еще многое сделать, и детальное исследование каждого сюжета, несомненно, внесет коррективы и дополнения в вышедший справочник.³

Е. Н. Меуцарская.

H. Kreissig. *Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich*. Berlin, 1978, 135 S.

Одной из важнейших проблем истории переднеазиатского эллинизма является проблема социально-экономической структуры Селевкидского государства, охватывавшего в течение III—II вв. до н. э. значительную территорию в Передней и Малой Азии. Ее разработка важна не только сама по себе, она позволяет уточнить наши представления о путях и закономерностях развития древних ближневосточных обществ. Не случайно по-

³ Ряд корректив предложен в обзоре книги де Сантоса Отеро, сделанном Ф. Томсоном (Thomson F. J. *Apocrypha Slavica*. — *Slavonic and East European Review*, 1980, p. 256—268).

этому к ней обращалось уже несколько поколений исследователей, однако многие проблемы остаются по сей день спорными, в том числе такие существенно важные, как положение отдельных групп непосредственных производителей, формы земельной собственности и т. д. Новое прочтение источников в такой ситуации представляется весьма желательным и своевременным, и именно эту задачу поставил перед собой известный немецкий (ГДР) историк эллинизма Х. Крейссиг.

Рецензируемая книга состоит из двух частей. В первой поставлен вопрос о формах собственности на средства производства. Как и следовало ожидать, автор выделяет царские, храмовые и полисные земли, а также земли, принадлежавшие племенам. Царская земля, «завоеванная копьем», представляется собственностью царя; право последнего — это в конечном счете право завоевателя (или преемника завоевателя). Домены царя представляли собой в каждом отдельном случае цельную территорию с деревней, дворцом, прилегающей к ним территорией и поселениями (ср. РС 18—20). Продажа царского землевладения (например, Лаодике, ставшей после ее развода с царем частным лицом) исключала его из комплекса царских земель. В передаче царской земли ἐν δωρεᾷ X. Крейссиг видит узуфрукт, т. е., по его определению, переход земли во владение, но не в собственность других лиц. Такие пожалования могли подтверждаться, но по желанию царя и обираться от получателя. Жалованными владениями могли быть деревни, клеры и другие земельные участки. Другую группу царских земель, переданных во владение других лиц, составляла γῆ κληρουχική — территория, выделявшаяся для солдатских поселений, а также для поселений ветеранов. Кроме этого, X. Крейссиг выделяет пожалования храмам. Обзор ситуации, складывавшейся за пределами царских земель, автор начинает с характеристики земель, принадлежавших автономным храмам. Последние являлись собственниками принадлежавших им территорий. Главное свое внимание он уделяет, однако, полисным землям — γῆ πολιτική. Имея в виду зависимость полисов от царя, X. Крейссиг считает, что полисной была земля, изъятая из царской и переданная городу как собственнику. Город осуществлял над этой территорией неограниченные правомочия собственника. На городских землях выделяются κοινὸς τόπος — то, что принадлежит городу как целому, а также отдельные участки, находящиеся в собственности или во владении (путем арендования) граждан и отдельных лиц. Из земель, принадлежавших полису как целому, в отдельных случаях выделялись земли новым гражданам, в свою очередь этот фонд пополнялся за счет завещаний, конфискаций земель, принадлежавших изгнанникам, и т. д.

Следует заметить, что в целом классификация отдельных составных элементов земельного фонда, принятая X. Крейссигом, представляется наиболее близкой к реальности и более логически четкой, нежели широко распространенные классификации М. И. Ростовцева, Э. Бикермана, А. Б. Рановича. Сомнения вызывают лишь некоторые детали. В частности, известные формулы из надписей Лаодики (RG 20: καὶ κυρία ἔσται προσφερομένη πρὸς πόλιν ἢ ἀν βούληται) и Аристоклида (RG 10: οὐ οὖν σύνταξον... προσορίσαι εἰς τὴν Ἰλιέων ἢ τὴν Σκηψίων) X. Крейссиг истолковывает как отражение обязанности лиц, получающих царскую землю в собственность, присоединять ее к χώρα того или иного города. С нашей точки зрения, речь идет о привилегии, предоставленной Аристоклиду и Лаодике, причем последняя могла и не воспользоваться ею. Из сказанного вытекает, что на царских землях могло складываться частное землевладение, и X. Крейссиг приводит материал, подтверждающий наличие частной собственности на землю за пределами полисных земель, т. е., с нашей точки зрения, на царских.

Характеризуя ремесло и торговлю, X. Крейссиг указывает на распространение труда свободных ремесленников, справедливо выступая против

ходячих представлений о «капиталистических предприятиях» с массой свободных рабочих и рабов.

Вторая часть работы Х. Крейссига посвящена проблеме форм зависимости непосредственных производителей. Наиболее важны здесь его суждения о статусе *λαοί*, вызывающем до сих пор ожесточенные споры. *Λαοί*, служащие объектом купли-продажи, прикреплены, по мнению автора, к земле, что и объясняет их продажу вместе с деревней. Пишущий эти строки уже имел возможность изложить свою точку зрения по данному поводу (см.: Палестинский сборник, вып. 19 (82), 1969, с. 32-38), он не видит поэтому необходимости повторяться.

В целом книга Х. Крейссига, в которой собран весь относящийся к теме материал ¹ и подведены итоги многолетних исследований как самого автора, так и его предшественников, представляет значительный научный интерес. Предлагаемая им характеристика государства Селевкидов как «древневосточного» нуждается в дальнейшей разработке, однако уже сейчас она может быть принята, если иметь в виду, что государство Селевкидов было преемником Ассирийского, Нововавилонского и Персидского царств и само представляло один из этапов развития древнего Ближнего Востока. То, что Х. Крейссиг подчеркивает именно это обстоятельство, делает его книгу особенно ценной и важной.

И. Ш. Шифман.

¹ Вызывает досаду отсутствие среди источников, использованных Х. Крейссигом, папируса SB 8008. Хотя этот папирус и относится к государству Птолемеев, речь в нем идет о сирийских владениях Птолемеев. Обращение к папирусу SB 8008 дало бы дополнительные материалы для решения проблемы *λαοί*.